

УДК 882.09

С.А. ПОДСОСОННЫЙ

МОТИВ ГРЕХА В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»

Богословский ракурс творческого наследия Ф.М. Достоевского являет недостаточно исследованную проблему: специфика функционирования категории греха в романной прозе писателя лишь намечена или рассмотрена фрагментарно и неполно. Причины обусловлены культурно-историческими факторами, влияющими

на исследование философско-эстетического богатства автора. Если советское литературоведение не допускало разговора о проблемах греха и покаяния, поисках путей, ведущих Дух и душу человека к Богу, то западные исследователи, при всей объективности, оставались далеки от понимания национального психотипа [1; 2; 3; 4]. Особенно актуальны метафизические проблемы, поставленные в догматическом богословии, философском и культурологическом наследии. Религиозная проблематика не абстрагируется от рассмотрения в работах русских религиозных философов XIX – начала XX в., обратившихся к рассмотрению философско-религиозных идей Ф.М. Достоевского (Н. Бердяев, В. Соловьев, В. Розанов и др.). Они делают совмещение догматики и метафизики, отражая ряд проблем, значимых для человечества новейшего времени. Для этих мыслителей центральной категорией, мотивом становится именно грех в художественном мире Достоевского. Однако в трудах философов мы находим только частные проявления анализа проблемы, но не обобщенное исследование.

В ситуации абсурдности бытия и «переоценки всех ценностей» нельзя не учитывать нетипичные концепты и идеи трудов Ф. Ницше. Немаловажное значение имеет и обращение к исследованиям последних лет В.Г. Безносова, М.М. Дунаева, А.Н. Латыниной, П. Элена, В.К. Кантора, А. Скворцова и многих других. Важное место занимает изучение переписки, публицистики, черновых вариантов и разных редакций.

В творчестве Ф.М. Достоевского комплекс «грех», наследуя архетипические качества богословской, философской, экзистенциальной доктрин, становится мотивом в традиционно литературоведческом смысле. Художественная система автора представляет комплекс «грех» неотделимым от человеческой онтологии. Уже в романе «Бедные люди» намечен бунт против несправедливости мира, перед величием которого трепещет Макар Деушкин, однако не скрывает возмущения сам автор, который, не найдя смирения и покоя для своего героя, доводит его до отчаяния. И только позднее этот бессознательный, «кроткий» бунт выльется в целое сражение героев Достоевского с Богом и миром, попытку оспорить и победить несправедливость бытия, ораторию, где устами Ивана Карамазова будет отрицаться не Бог, а мир, Им созданный.

Не является исключением в данном ситуативном ракурсе и роман «Подросток», который по праву можно назвать историей одного греха против ребенка, однако во всех подробностях и дальнейших имманентных проявлениях, составляющих целый жизненный отрезок героя, полный несчастий и страданий.

Аркадий Долгорукий становится духовным мучеником обстоятельств, однако это не лишает его чувства внутренней ответственности и долга перед Богом и миром. Он находится в состоянии поиска и выбора высшего нравственного взгляда. Это не человек до грехопадения, но его сознание уже раздвоено грехом. Появление героя на свет воспринимается как результат греха его матери и Версилова, как связи вне брака [5, т. 13, с. 106-107].

Именно в таком положении оказывается Аркадий, будучи предоставленным самому себе в своем нравственном выборе. Он отвержен самыми близкими людьми. Версиров относится к нему с «высокомерным бесчувствием», а грех перед Аркадием он пытается искупить, взяв на попечительство незаконнорожденного ребенка князя Сокольского, с которым их роднит типологическое сходство грехов, так называемых «ошибок молодости». Но ведь за этими ошибками жизни и судьбы людей! Версиров при этом не чувствует к князю сочувствия, наоборот, отношение отличается неким пренебрежением, высокомерием. Все эти обстоятельства способствуют зарождению идеи, которая заключает разрыв с миром и связь с грехом сребролюбия. Проблема духов-

ных поисков осложняется социальной ситуацией, в которой чуткая душа Подростка подмечает лишь игру в приличия, ложь и обман. Таковыми оказываются отношения с князем Сокольским, в котором Аркадий желал видеть доброе; Версиловым, который только по «приличию» живет с матерью Аркадия. В романе поднимается вопрос ложной праведности, которая заключается лишь в следовании условностям. Такое понимание отношений между людьми – закономерный результат пребывания в безнравственном обществе, по сему Аркадий не видит смысла в любви к ближнему, в «благообразии», хочет найти счастье в самодостаточности и привить в жизни теорию гедонизма. Духовный же образец для героя сам болен одним из страшнейших грехов – гордыней. Забывая о христианском завете не судить другого (Мф. 7, 1), Аркадий стремится судить этого человека, обвиняет всех в «безобразии» – утрате божьего образа в себе: «... для меня видеть вас всех подле этого младенца (я указал на Макара) есть безобразие...» [5, т. 13, с. 305]. Но не Аркадию судить, это удел Бога, удел человека – каяться, так как нет безгрешного на земле (Ин. 8, 7). Болезнь духа сменяется физической болезнью Аркадия, князя Сокольского, как и Родиона Раскольникова в «Преступлении и наказании». Версиров уверен в том, чтобы «стать судьей других, надо выстрадать себе право на суд» [5, т. 13, с. 211]. Он не судит, так как не умеет страдать – и в этом проявление гордыни. Аркадию ближе убеждения князя Сокольского, для которого суд над другими возможен при условии честности с самим собою, однако тогда и судить оказывается некому. Все это лишь нагнетает и без того тяжелую душевную атмосферу героя, который по мере развития действия втягивается все дальше и дальше в круговорот греховного общества, представители которого предпочитают видеть только пороки других.

Аркадий нарушает первую заповедь Бога: он сотворил себе кумира в лице Версирова, которому поклоняется в глубине души и пытается этому противоречить: «... не рождения моего я не могу ему простить, а что мне самого Версирова всю жизнь надо было, всего человека, отца...» [5, т. 13, с. 111].

Старый князь говорит о Версирове разное, но самым страшным, по его мнению, является то, что «он держал себя так, как будто святой, и его мощи явятся» [5, т. 13, с. 31]. Образ Версирова приведен на плаху противостояния Богу, гордыни богоборчества и метафизическую подмену собой Бога. По мысли Крафта, он и в Бога верует только из величайшей гордости: «... преклониться перед богом не так обидно» [5, т. 13, с. 52]. Но это лишь сублимация веры, которая может привести к разочарованию не только в Боге, но и в мире, людях и себе. «Кротко» принятая пощечина от князя Сокольского – это не христианский ответ, а лишь акт все той же гордыни, что сближает героя со Ставрогиным из романа «Бесы», который так же реагирует на подобное оскорбление [5, т. 10, с. 164-166]. Родство со Ставрогиным наблюдается у Версирова и в возможности испытывать одновременно стремление к злу и добру. В нем нет самого главного на пути к Богу – смирения. Аркадий полон юношеской пылкости, максимализма, искренности чувств, что позволяет многим просто им пользоваться в своих нуждах. Но Версиров просвещает Аркадия от имени своего доброго «я», что по форме и смысловой наполненности приближается к форме проповеди. Духовное воскресение Аркадия связывается с Притчей о Блудном сыне, которая неоднократно упоминается в тексте: «Когда требуют совесть и честь, и родной сын уходит из дому» [5, т. 13, с. 131]; «Ибо сей человек «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» [5, т. 13, с. 152]. Родственность Аркадия со своим кумиром, очевидно, не только генетическая, здесь и метафизическая гордыня.

Во второй части романа предстает совершенно иной Аркадий – не ищущий, а выбравший свой путь, обранный пороком, но это сделано для того, чтобы в третьей части привести героя к нравственному христианскому правильному выбору. Начинается испорченность Духа ребенка соблазнами греха мира, утрата невинной детскости, праведный же путь, по мысли Аркадия, может и подождать. Человек не успевает и подумать о грехе, как уже оказывается плотно обтянутым его сетями, ощущает невозможность выбраться из его вихревания, Дух будто бы скручивается антидухом, подавляется и приземляется. Грех общества становится прародителем греховных мыслей героя, причиной его раздвоения. Аркадий мечтает о богатстве для самоутверждения, которое кажется близким и осязаемым.

Версилов упрекает героя в неправильном понимании греха и покаяния: «Ты, очевидно, раскаялся, а так как раскаяться значит у нас немедленно на кого-нибудь опять накинуться...» [5, т. 13, с. 102]. Мать Аркадия учит, что нет такого греха, который нельзя искупить: «Христос, Аркаша, все простит...» [5, т. 13, с. 215]. Осмысление покаяния как начала нового греха присуще многим людям, готовым грешить и каяться до бесконечности, но это не приближает их к Богу и не отдаляет от Него, а ставит вне Бога, что проследивает идею нищезанятия. Сам Версилов далеко не ушел от такого понимания. Плюс ко всему на нем лежит еще вина за моральное убийство окружающих его людей, любящих и отдающих себя ему беззаветно: «Живет лишь один Версилов, а все остальное кругом него и все с ним связанное прозябает под тем непререваемым условием, чтоб иметь честь питать его своими силами, своими живыми соками» [5, т. 13, с. 104]. Достоевский таким образом в уста своего героя вкладывает сквозную идею всего его творчества – идею соборности, которая реализуется через образ Аркадия Долгорукого и воссоединяет людей порукой греха в совместном страдании, ответственности отдельного за каждого, каждого за отдельного, на что неоднократно указывали представители русского религиозного ренессанса [6]. Утрата духовного здоровья в своей душе приводит Аркадия к его поиску в других людях, в которых для него самое ценное – «благообразие», жажда которого совмещается с тягой к разврату и у самого Аркадия, чего он понять никак не может. Увидеть «благообразие» удалось только в Макаре Долгоруком, пронизанного идеей соборности. Он объясняет потерю «благообразия» у людей суетливостью, которая хуже любого греха. Макар убежден, что нет людей-безбожников, а только «идолопоклонники». Утрата «благообразия» ведет к утрате Бога, а утрата Бога – к страданиям. Но есть более страшный грех, действительное безбожие, когда во имя Божие творят зло [5, т. 13, с. 302].

Благодаря судьбе, обстоятельствам, правильным идеям учителей, умению оценивать происходящее Аркадий не был испорчен окончательно. В душе Аркадия намечено несколько путей: 1) смиренно принять страдания; 2) убить себя; 3) уничтожить всех обидчиков, а затем убить себя [5, т. 13, с. 268-269]. Аркадий решается на грех, но останавливается в шаге от него. Во сне он слышит звон колоколов, которые будят в нем его душу, оказываются звоном Бога, дабы оживить в нем начавшего погибать ребенка. Воспроизводятся воспоминания о матери, первом причастии, о ее грехе перед ним, но и всепобеждающей любви. Звон колокола и замыкает сон-видение героя, опоясывая его, становясь спасением души от греха. Символична девятидневная болезнь Аркадия после пережитого, но в нем властвует некая черта никогда непреходящего юношества: «После девятидневного беспомыслия я очнулся тогда возрожденным, но не обновленным...» [5, т. 13, с. 281]. Новые знаки постоянно посылаются Аркадию: луч солнечного света указывает прямо на икону, слышится молитва пришедше-

го Макара [5, т. 13, с. 283-284], который должен особо повлиять на Аркадия, ибо он освещает христианское миропонимание героя, говорит о грехе. Грешно, по его мнению, мечтать, желать другой жизни, грех – загадка. Макар утверждает: «Самоубийство есть самый великий грех человечества» [5, т. 13, с. 310]. Проблема суицида широко освещена не только в данном романе Достоевского, но и во всем его творчестве [7]. Так, Крафт уходит из жизни, ибо не может вынести отсутствия нравственности в обществе [5, т. 13, с. 54]; травится фосфорными спичками из-за предательства Версилова Марья Ивановна [5, т. 13, с. 58]; думает о суициде князь Сокольский; в черновиках романа допускаются подобные мысли и Аркадием [5, т. 17, с. 101]; вешается Ольга [5, т. 13, с. 141]; в глубине души носит подобные мысли Лиза; стреляется Андреев [5, т. 13, с. 449]; пытается уйти из жизни Версильев [5, т. 13, с. 445]; появляются и притчи о самоубийцах и у Макара Долгорукого. Но самой страшной предстает история мальчика, замученного купцом Скотобойниковым [5, т. 13, с. 318], напоминающая самоубийство из повести «Кроткая», что возмущает Макара: «И что может сия малая душка на том свете господу богу сказать!» [5, т. 13, с. 318].

Хохот взрослых вызывает зачастую слезы ребенка. Миры взрослых и детей в романе построены по принципу контраста, антитезы [5, т. 13, с. 51]. В романе представлены не только мытарства Аркадия, но и повсеместно плачут дети, которые изображены «точно ангелы божьи» [5, т. 13, с. 28]. Но их испорченность в дальнейшем позволяет автору говорить о том, что лучше бы они совсем не становились взрослыми. Страшен грех против ребенка матерью, которая бросила девочку Арину [5, т. 13, с. 80]. В основной текст не вошла история об одной девочке Арине, которая не желала идти домой, готова замерзнуть в снегу, так как дома ее ждут истязания, ибо она беззащитная сирота [5, т. 17, с. 98-100]. Страдают дети от купца Скотобойникова, которого не прощает замученный мальчик, как и в «Братьях Карамазовых», «дите» не дает покоя Дмитрию. Прощения нет, так как нет раскаяния, а только желание страдать. Прощение же матери купцу Скотобойникову дает право называть роман «Подросток» более утвердительным в христианском смысле нежели итог всех исканий Достоевского – «Братья Карамазовы».

Достоевский понимал, что человек, ступив на дорогу греха, уже не сходит с нее, а может дойти до пределов критических – апокалиптических, поэтому в XXI в., когда общество в целом и человек в частности стоит на грани нравственного, а главное – духовного упадка, проблемы греха и покаяния звучат особенно остро, значимо и актуально. Однако абсолютного преодоления греха так и не происходит, он не погибает вместе с героем, но переходит вслед за его погибшей душой на качественно иной этический порядок, продолжая свое истребляющее действие и после смерти. В этом Достоевский и видел весь ужас греха. Так во грехе теснейшим образом пересекаются и переплетаются интенции жизни и смерти Духа, сливаясь в нечто неделимое и закономерное.

Противостояние греху представляет собой движение восхождения через покаяние к непорочности, однако и грех, и святость выглядят в такой ситуации силами, разрушающими личность. Различие лишь в том, что личное бытие в каждой из данных категорий перемещается на качественно иной уровень существования. Данная градация выявлена творческим гением Достоевского, а потому в его романе нет конечного результата преодоления. Остаться с грехом – значит погибнуть как личность; прийти к святости – означает отказаться от личностной самости в гуманистическом смысле. Герои Достоевского поставлены в положение вечного колебания, как и сам автор, и ищущий метафизических ответов читатель. У писателя наряду с христианским устремлением силен дух

гуманистической этики – противоречие, но его необходимо принять фактически, как данность. Ведь и грешники, и кроткие у Достоевского беспредельно одиноки. Ср.: «Боже мой, Боже, для чего Ты оставил меня?». Тут и расплата за грехи и пороговая ситуация перед святостью. Все герои-идеологи Достоевского одиноки изначально, они стоят на мыслительном пути аскезы; безгрешные – аскеты жизненные. Однако это отнюдь не контрастирующие явления, а то, что заданно самим бытием.

Грех как болезнь духа понимается Достоевским на первичном срезе осмысления текстологического материала. Однако лишь такое понимание проблемы выглядит поверхностно. Автор проникает в человеческое сознание с тем, чтобы восстановить ужас воздействия состояния вины. Это положение становится истинной трагедией как героев, так и читателей-интеллектуалов. Каждый герой и просто человек представлены в положении безудержной осцилляции, которая и не может быть приостановлена писателем, так как за этой остановкой уже следует статика самого мира. Грех в своем основании более искренен, нежели добро, творимое методами все того же зла, когда святость становится только лишь выдумкой и фантазией сознания, прикрытием от социума. Добро не служит оправданием греха, в то время как грех может быть оправдан моральными установками добра. Именно такая апория была непонятна Достоевскому, который пытался решить ее в бытии героев своих романов-трагедий, но так и не пришел к окончательному выводу в этом сложнейшем онтологическом вопросе, развенчание которого может дать не только финальный удел бытию, но и небытию. Так что неразрешимость проблемы во многом, если не во всем, имеет абсолютно положительный результат, позволяющий говорить о вечной континуальности мира как основания бытия. К такому раю, к сожалению, человечество еще не готово. Остается только верить, что человечество поймет, «что добро, а что зело», откажется от греха и через покаяние и обновление достигнет «мировой гармонии», когда посреднические элементы соборности в виде речи, материальных воплощений – текстов будут уже не нужны, когда человек научится понимать себя и других людей, мир, минувя уста, минувя культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Graczyk P.* Dostojewski i zlo // Sumienie. Wina. Melancholija: Materiały polsko-niemieckiego seminarium. Warszawa, październik 1997 / Pod redakcją naukową Pawła Dybla. – Warszawa, 1999.
2. *Аллен Л.* Достоевский и Бог. – СПб., 1993.
3. *Ковач А.* О смысле и художественной структуре повести Достоевского «Двойник» // Достоевский Ф.М. Материалы и исследования. – Л., 1976. – Т. 2.
4. *Марцинкевич Ц.* Драматургия эпоса (роман Федора Достоевского «Преступление и наказание»). – Брест, 2001.
5. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л., 1972 – 1990. Здесь и далее цитаты даются по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.
6. О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881 – 1931 гг. – М., 1990.
7. *Аллен Л.* «Кроткая» и самоубийцы в творчестве Достоевского // Достоевский Ф.М. Материалы и исследования. – СПб., 2000. – Т. 15.

SUMMARY

The novel «Teenager» by F.M. Dostoevsky being under consideration, the conceptual grounding of the problem of sin in its religious, philosophic and social aspects is represented in the article. Opinions of Russian religious philosophers and those of West European scientists have been taken into account as well.